

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-11-15
УДК 32(045)

Война как *katálysis* идей. Философская концепция Дмитрия Мережковского во время Первой мировой войны

Д. Ваньчык

Ягеллонский университет, Краков, Польша
<https://orcid.org/0000-0003-1052-2809>

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье анализируется влияние Первой мировой войны на эволюцию философского мирозерцания и особенно на историософскую идею теократической анархии Дмитрия Мережковского. По мнению автора, война рассматривается здесь как *katálysis*, благодаря которому происходит разделение, экспозиция и радикализация конститутивных элементов данной концепции. Посредством анализа текстов 1914–1917 гг. определяется отношение Мережковского к таким ключевым понятиям, как: война, революция, интеллигенция, религия, насилие, патриотизм, национализм, универсализм, а также к неославянофилам и авторам альманаха «Вехи».

Ключевые слова: теократическая анархия; философия войны; мессианизм; милленаризм; историософия

Для цитирования: Ваньчык Д. Война как *katálysis* идей. Философская концепция Дмитрия Мережковского во время Первой мировой войны. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):11-15. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-11-15

ORIGINAL PAPER

War as a *katálysis* of Ideas. The Philosophical Concept of Dmitry Merezhkovsky during the First World War

D. Vanchyk

Jagiellonian University, Krakow, Poland
<https://orcid.org/0000-0003-1052-2809>

ABSTRACT

This article analyses the impact of the First World War on the evolution of the philosophical worldview and especially on the historiographical idea of Dmitry Merezhkovsky's theocratic anarchy. According to the author, the war is seen here as a *katálysis*, due to which the division, exposition, and radicalization of the constitutive elements of this concept takes place. Through the analysis of texts 1914–1917. Merezhkovsky's attitude to such key concepts as war, revolution, intelligentsia, religion, violence, patriotism, nationalism, universalism, neo-Slavophiles, and the authors of the almanack "Milestones" is determined.

Keywords: theocratic anarchy; philosophy of war; messianism; millenarianism; historiography

For citation: Vanchyk D. War as a *katálysis* of ideas. The philosophical concept of Dmitry Merezhkovsky during the First World War. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):11-15. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-11-15

Дмитрий Мережковский принадлежит к тем философам-мыслителям, мирозерцание которых развивается и эволюционирует в постоянном, диалектическом дискурсе с разворачивающейся историей. Самые выдающиеся мыслители, обладающие таким видом мирозерцания (назовем его историософским), не

только меняют свои взгляды в связи с происходящими историческими событиями, но обладают также более или менее оправданными, пророческими и даже креационистическими амбициями, направленными на придание истории особой формы. Это не отменяет того факта, что узловые исторические события влияют на их мировоз-

зрение как *katálysis* (катализ), т.е. в соответствии с исходным греческим пониманием этого термина, ведут к «разделению» компонентов данного мировоззрения и «экспозиции» тех из них, которые являются конститутивными, существенными и составляющими сущность данного мировоззрения. В точных науках «катализ» — это явление, при котором химическая реакция ускоряется из-за присутствия посторонней субстанции, называемой катализатором. Применяя такое толкование к истории идей, можно заключить, что историческое событие, рассматриваемое как катализатор, ускорит эволюцию мировоззрения и извлечет его существенные компоненты, даже если они до сих пор не играли решающей роли.

В случае с Дмитрием Мережковским связь между историей и его философией не всегда была одинаково интенсивной. До 1905 г. его мировоззрение нельзя назвать историософским, скорее — эстетическим и, если не аисторичным, то уж точно аполитичным. В то же время его концепция нового религиозного сознания была культурно-эстетической теорией, которая не претендовала на изменение политического строя, — наоборот, ее автор действовал в рамках существующих законов государства и церкви, признавая их *status quo*. Это положение претерпело коренные изменения только в 1905 г. в результате революции и русско-японской войны. Как его эстетическое мирозерцание трансформируется в историософское мы можем наблюдать по статьям «Теперь или никогда», «Грядущий хам», «Пророк русской революции», ставшим основой историософской идеи теократической анархии, разработанной в 1905–1917 гг.

Как события 1905 г. положили начало идее теократической анархии, так ее катализатором стала Первая мировая война, которая заставила Мережковского выделить основные черты своей идеи и занять позицию по таким ключевым вопросам, как религия, война, насилие, патриотизм, национализм или универсализм.

Как же выглядел этот процесс и какие он дал результаты?

Известие о начале войны застало Дмитрия Мережковского и Зинаиду Гиппиус на даче под Санкт-Петербургом. После возвращения в столицу им казалось, что жизнь идет совершенно нормально, но на самом деле изменилось все. Среди мыслителей кипело патриотическое возбуждение, которое нередко проявлялось в полной смене мировоззрения. Значительная часть мыслителей, особенно славянофильской ориентации, была тронута «безумием

войны», проявляющимся в ее апофеозе и ожидании великих, спасительных изменений, которые она должна была принести [1]. 28 апреля 1915 г. Зинаида Николаевна записала в своем дневнике: «Москвичи осатанели от православного патриотизма. Вяч. Иванов, Эрн, Флоренский, Булгаков, Трубецкой и т.д. и т.д. О, Москва, непонятный и часто неожиданный город, где то восстание — то погром, то декадентство — то ура-патриотизм, — и все это даже вместе, все дико и близко связано общими корнями, как Герцен, Бакунин и — Аксаковская славянофильщина» [2].

Восприятие войны как долгожданного потрясения, катастрофического прорыва, призванного вывести буржуазное общество из комфортной лентаргии, является одной из характерных черт модернизма. Однако следует подчеркнуть, что это не было новым в мире русской идеи — московские неославянофилы вдохновлялись, например, философией войны Достоевского, четко изложенной в «Дневнике писателя», где указано, что долгий мир хуже войны и даже аморален, потому что порождает лень, апатию, сладострастие и разврат, ведущие к самопорабощению [3]. Чтобы проиллюстрировать, как эти настроения выражались во время Первой мировой войны, стоит привести несколько характерных примеров.

Итак, русский философ Владимир Эрн утверждал, что война не является злом сама по себе, напротив, она может быть и добром, откровением и просвещением, может возродить дух, вырвать из апатии и облагородить, при условии, что получит благословение Церкви (надо подчеркнуть, что речь идет не о церковных институтах и их ритуалах, а о Церкви в общем смысле). Все-таки сама Церковь, как утверждал философ, находится в постоянном состоянии войны, потому что Христос своим пришествием дал людям меч и научил их бороться со злом. В тексте «Толстой против Толстого» сказано: Война при благословении Церкви становится священной войной и священна она ровно настолько, насколько участники ее борются за духовные сокровища веры и за высокие права исторического призвания [4].

Похожие мысли находим в трудах другого философа, Сергея Булгакова, который в своей работе «Война и русское самосознание» утверждал, что смысл войны выражается в необходимости преодоления западной буржуазии, которую он отождествлял с самопорабощением, состоящим в привязанности к материальному миру, комфорту и даже идолопоклонству и гуманистической наглости. Война приобретает здесь форму «бича божьего», который

несет внутреннее пробуждение и разоблачение социальных и потребительских патологий. Но война является не наказанием, посланным небесами, а результатом деятельности человека буржуазной цивилизации, который в своем стремлении к потребительским достижениям, господству над новыми землями и экономическими ресурсами сам к ней приходит. Таким образом, война — это одновременно конец и очищение, истощение старого порядка и шанс для нового открытия. «И не должны ли мы, не колеблясь, признать, что настоящая война, этот бич Божий, ведет за собой не только разгром, но и духовное пробуждение?» [...] «Ведь теперешняя война не есть случайность, она есть плод, давно созревавший на дереве новоевропейской цивилизации. [...] к нему вела неумолимая логика истории, а не частная злая воля, и зачата была эта война не теперь, но уже на заре новоевропеизма, как борьба за мощь, за богатство, за земли» [5].

В свою очередь, Евгений Трубецкой особо подчеркивал интегрирующую силу войны, особенно в ситуации политической раздробленности и радикализации партий, которая наблюдалась в России с начала XX в. В своей работе «Отечественная война и ее духовный смысл» он утверждал, что внешний враг, угрожающий существованию страны, пробудил национальный дух и выдвинул на первый план те ценности, которые являются наиболее важными, но о которых мы часто забываем в мирные времена. Во время войны каждый живет с двойным запасом жизненных сил, и это относится как к отдельным лицам, так и к социальным группам и нациям. Жизнь продолжается, так как вынуждена утверждаться в прямой конфронтации со смертью, сознание которой в мирное время мы вытесняем и отдаляем от самих себя. Но это освобождение духа имеет и обратную сторону — выдвигаются худшие, наиболее глубоко подавленные инстинкты. Все-таки Трубецкой полагает, что в этом столкновении победят «светлые силы»: «Эта общая интенсификация жизни совершается во всех направлениях, проявляется одинаково как в добре, так и во зле. С одной стороны, война разнуздывает темные силы ада — снимает оковы, извне наложенные на зло цивилизацией: с другой стороны, на борьбу с срававшимися с цепи сатаной восстают все те светлые силы, какие таятся в человечестве. В такие времена пробуждаются все дремлющие в нем, доселе не явленные миру или же, наоборот, давно забытые возможности» [6].

Такое военное возбуждение и оптимизм были чужды и даже враждебны Мережковскому. Для него

категории войны и революции являлись совершенно разными, не сводимыми к общему знаменателю. Война — это переход человека в животную стадию, в которой целью является господство и власть его собственной расы, его собственной нации над другими, а средствами достижения этой цели являются сила, жестокость и насилие. Гиппиус писала, что «война выедаёт внутренности человека. Она почти гальванизированная плоть, тело, мясо — дерущееся» [2]. Революция, в свою очередь, может оказаться способом достижения тысячелетнего Царства Божьего и, следовательно, нового, более высокого уровня историософской лестницы бытия. Революция должна преобразовать все таким образом, чтобы войн больше не было, потому что во всеобщей, универсальной теократической анархии национализм будет необоснованным и беспочвенным. Свою позицию по этому вопросу Мережковский изложил в статье «Война и религия», которая начинается со слов: «Когда ночью проснешься и вдруг вспомнишь — война! — в душе подымается ужас» [7]. По его мнению, война — это величайший кошмар современности и одновременно проблема, стоящая перед всем человечеством. Ее можно сравнить только с каннибализмом, который раньше казался совершенно естественным (как и война сегодня), но в какой-то момент стал неприемлемым, «вкус человеческого мяса опротивел» [7]. Можно рассуждать, как вести себя во время войны: сражаться или не сражаться, ставить вопросы о ее смысле, но эта интеллектуальная игра никоим образом не меняет сути войны, которая есть зло! Наше сегодняшнее «возмущение немецкими зверствами, — пишет Мережковский, — подобно возмущению людоедов тем, что человежье мясо едят недожаренным» [7]. Хотелось бы уйти от всего этого, спрятаться от кошмара войны, но это невозможно, так как война внутри нас — либо мы убиваем, либо убивают нас, «мы все в войне, все убийцы или убитые, едущие или едόμεе» [7]. После этого своеобразного проявления пацифизма Мережковский, однако, внимательно вглядывается в смысл происходящих событий, пытается одновременно выяснить их причины и предсказать возможные сценарии развития ситуации. Хотя его исходная позиция противоположна представлениям неославянофилов, существует, по крайней мере, несколько вопросов, по которым их мнения совпадают. Автор признает, что военная обстановка объединила народ, который, проявив храбрость, раскрыл свою сущность, в которую мы до сих пор только верили, но «теперь уж не верим, а видим, знаем» [7]. Кроме того, война — это, яко-

бы, конец ненавидимой как Мережковским, так и неославянофилами буржуазии, западного мешанства, которые привели к войне своей жадностью, эгоизмом и безбожием. Что будет дальше? Автор «Грядущего хама» выражает надежду, что с концом ложного индивидуализма, основанного на безбожном, нерелигиозном утверждении человека, наступит время духовного обновления и пробуждения религиозного сознания. Что касается будущего России, то он показывает два возможных пути.

Первый — это «победа зверского национализма и милитаризма, которая страшнее всех поражений». К сожалению, на данный момент все указывает, что дела идут как раз в этом направлении, «почти вся льющаяся кровь — вода на эту мельницу» [7]. И, если так, то возникает роковой вопрос: желать ли России победы? Может быть, внутренний враг злее внешнего?

Второй — это путь освобождения, но освобождения не национального, не русского, а всеобщего, всемирного, универсального. Он требует гораздо больше мужества, так как не ведет проторенными маршрутами, не противостоит вражескому национализму своим собственным, тем самым замыкаясь в кругу бесконечных войн, но борется за истину, которая еще не раскрыта и ждет своего откровения. Мы должны бороться с враждебной, зверской самоуверенностью силой собственного сомнения и смирения. Условием «изжития войны» является преодоление национализма, и поэтому сегодня главной задачей интеллигенции в России должна быть борьба с национализмом во имя сверхнационального религиозного общества.

Проблеме национализма Мережковский посвятил лекцию «О религиозной лжи национализма», которую прочитал в конце 1914 г. на заседании Религиозно-философского общества. С самого начала автор выступает против обвинения культуры (в данном случае — немецкой) в том, что она привела к войне, и утверждает, что истинная культура имеет универсальный, глобальный характер, стремится к освобождению и соединению всех, в то время как национализм, искажающий и инструментализующий культуру, ведет прямо к войне. Ссылаясь на известную статью Эрнста Кантха «От Канта к Круппу», он убеждает, что «связь Канта с Круппом сомнительна» [8], так как Германию к войне привели не идеи философа из Кёнигсберга, а ее националистическая болезнь. Национализм — «Утверждение национальной правды, частной и относительной, как абсолютной, всеобщей и всечеловеческой» [8] — неотделим, метафизически связан

с империализмом, так как под вечным предлогом защиты своей родины он всегда стремится подчинить себе новые территории. Таким образом, национализм — это анимализация человека, деволюция, возвращающая к временам людоедства, и эта чума, которая все быстрее распространяется, особенно во время войны, является главным вызовом для русской интеллигенции. Все-таки, как утверждает Мережковский, интеллигенция имеет здесь отличные традиции, так как «От Чаадаева до Вл. Соловьева русское “западничество”, борьба со славянофильством и есть не что иное, как борьба с национализмом» [8]. Прославление России и противопоставление ее революционному, «гнилому Западу» характерно даже для таких выдающихся умов, как Тютчев и Достоевский, а ныне у неославянофилов и веховцов — это тоже не что иное, как национализм, который необходимо обнажить и преодолеть, чтобы освободиться от «зоологического патриотизма».

Свою критику русского национализма Мережковский продолжает в статье «Распятый народ» 1915 г., где он прямо заявляет, что панславизм Достоевского и всех славянофилов — это «пангерманизм, перелицованный, переведенный на русский язык» [9], и констатирует, что истинный мессианизм, имеющий универсальный, всемирный характер, избегает шовинистических, националистических и империалистических тенденций. Это — жертва во имя других и для других, а не желание доминировать, скрытое под предлогом какой-либо миссии.

Таким образом, представленный анализ показывает, что война стала для теории Мережковского катализатором, который выделил и подчеркнул конститутивные черты его концепции. Теократическая анархия указывается как идея радикально антинационалистическая и одновременно крайне универсалистическая, всемирная, благодаря чему приобретает черты мессианизма — сотериологической теории, постулирующей всеобщее возрождение человечества [10]. Более того, если преодоление национализма и религиозное возрождение должны положить конец всем войнам и привести к осуществлению Царства Божьего на Земле, то анархическую теократию можно считать не только мессианизмом, но и миллениаризмом или хилиазмом [11–15]. Это очень важно, потому что позволяет рассматривать данную концепцию как часть великой традиции христианского хилиазма и воплощение в русскую идею, тем самым открывая новые горизонты для исследования философии Мережковского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bohun M. Oczyszczenie przez burzę. Krakó; 2008.
2. Гиппиус З.Н. Синяя книга. Дневники 1893–1919. М.: Русская книга; 2003.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 22. Ленинград: Наука; 1981.
4. Эрн В.Ф. Толстой против Толстого. М.: Директ-Медиа; 2014.
5. Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина; 1915.
6. Трубецкой Е.Н. Отечественная война и её духовный смысл. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина; 1915.
7. Мережковский Д.С. Война и религия. Невоенный дневник. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=102337&p=1>
8. Мережковский Д.С. О религиозной лжи национализма. URL: http://merezkhkovski.ru/proizved/o_relig.php
9. Мережковский Д.С. Распятый народ. Невоенный дневник. URL: <http://merezkhkovski.ru/proizved/raspat.php>
10. Walicki A. Dwa mesjanizmy: Adam Mickiewicz i August Cieszkowski, Filozofia polskiego romantyzmu. Краков; 2009.
11. Walicki A. Filozofia a mesjanizm. Warszawa; 1970.
12. Walicki A. Między filozofią, religią i polityką. Warszawa; 1983.
13. Desroche H. Dieux d’hommes. Dictionnaire des messianismes et millénarismes de l’ère chrétienne. Pary-La Haye; 1968.
14. Talmon J.L. Political messianism. The romantic phase. London; 1960.
15. Thrupp S.L., ed. Millennial Dreams in Action. Essays in Comparative Study. Hague; 1962.

REFERENCES

1. Bohun M. Purification by the storm. Krakow; 2008. (In Polish).
2. Gippius Z.N. Blue Book. Diaries 1893–1919. Moscow: Russian book; 2003. (In Russ.).
3. Dostoevsky F.M. Writer’s diary. Complete works in thirty volumes. Volume 22. Leningrad: Science; 1981. (In Russ.).
4. Ern V.F. Tolstoy vs Tolstoy. Moscow: Direct-Media; 2014. (In Russ.).
5. Bulgakov S.N. War and Russian identity. Moscow.: Typography of I.D. Sytin; 1915. (In Russ.).
6. Trubetsky E.N. Patriotic war and its spiritual meaning. Moscow: Typography of I.D. Sytin; 1915. (In Russ.).
7. Merezkhovsky D.S. War and religion. Non-military diary. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=102337&p=1>. (In Russ.).
8. Merezkhovsky D.S. About the religious lies of nationalism. URL: http://merezkhkovski.ru/proizved/o_relig.php. (In Russ.).
9. Merezkhovsky D.S. Crucified people. Non-military diary. URL: <http://merezkhkovski.ru/proizved/raspat.php>. (In Russ.).
10. Walicki A. Two messianisms: Adam Mickiewicz and August Cieszkowski, Philosophy of Polish Romanticism. Krakow; 2009. (In Polish).
11. Walicki A. Philosophy and messianism. Warsaw; 1970. (In Polish).
12. Walicki A. Between philosophy, religion and politics. Warsaw; 1983. (In Polish).
13. Desroche H. Gods of Men. Dictionary of Messianisms and millenarisms of the Christian era. Pary-The Hague; 1968.
14. Talmon J.L. Political messianism. The romantic phase. London; 1960.
15. Thrupp S.L., ed. Millennial Dreams in Action. Essays in Comparative Study. Hague; 1962.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Данель Ваньчик — магистр, внештатный сотрудник, аспирант Института философии, Ягеллонский университет, Краков, Польша
wanczyk@onet.eu

ABOUT THE AUTHOR

Daniel Wańczyk — Master of Art (Philosophy), active freelance worker, PhD candidate at the Institute of Philosophy, Jagiellonian University, Krakow, Poland
wanczyk@onet.eu

Статья поступила 20.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.